

таким символам самобытности и воли, как вечевой колокол, как св.София, исторически сложившийся уклад жизни, так долго сохранявшийся в крестьянском быту с его мирскими сходками, «народосоветием».

© О.И. Станкевич

Екатеринбург

ПОЭЗИЯ ПЕСТОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ КОММУНИКАЦИИ «МАТЬ И ДИТЯ» РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В основе контакта матери с ребенком можно выделить два типа связей: интимно-личностное общение и социальное взаимодействие. Интимно-эмоциональный тип характеризуется непосредственным, сиюминутным, импульсивным характером, «интуитивным знанием матери» (можно воспользоваться термином Д.В. Винникотта – «holding»). Сложившаяся традиционная культура взаимоотношений матери с ребенком дает и способы опосредованного взаимодействия с ребенком. Следовательно, через формы культуры мать может наладить уже не только сиюминутное общение с ребенком, основанное на переживании, а построить более сложные формы социальных взаимоотношений.

Специфика научного исследования предполагает выделение и некоторое обособление выделенных типов связи, но в реальной жизни они, безусловно, существуют как целостный организм. Поэзия пестования становится своеобразным мостиком, соединяющим два типа связей, поэтому продуктивно изучение ее не только с точки зрения определенных социокультурных форм организации взаимодействия матери и дитя, с позиций познавательных возможностей ребенка понимать и осваивать окружающий мир, но и как средства интимно-личностного общения, продукта коллективного бессознательного.

Придавая большое значение процессам эмоционально-интимного характера коммуникации пестуны и дитя, заметим, что строятся эти отношения все же на основе уже выработанных традиционных форм общения. Показательными в связи с этим являются обращения к ребенку, записанные непосредственно в бытовой обстановке: «бумажная душа», «вертелка», «пищалка», «живулечка», «маковка», «ягодка», «золотиночка», «золотой», «тарактелка» и др. Их можно разделить на две группы.

К первой группе мы отнесем обращения, ставшие традиционными и бытующие во всевозможных вариантах. В качестве примера приведем следующую группу родственных слов: «золотце», «золотиночка», «золотулечка», «золотинка», «золотулька», «золотой» и т.п.

Вторая группа содержит обращения, представляющие собственное творчество пестуны, нередко сиюминутные импровизации («бумажная душа», «вертелка», «пищалка», «кашлунчик» и др.). Однако подобное

творчество оказывается не изолированным от традиционной культуры пестования, оно – как благоухающий цветок, выросший на ее почве. Таким образом, структурные элементы и выразительные приемы данной жанровой системы (образно-символическая сфера, словесные конструкции, метафоры, эпитеты и т.д.) дают толчок для индивидуального творческого процесса словообразования и преобразуют бытовое общение в поэтическое.

Возможность такого рода исследования возникла после длительных наблюдений подобного общения в бытовой обстановке, использовалась и скрытая аудиозапись. Фиксировались не только фольклорные тексты, но и соответствующая им бытовая ситуация, эмоциональная атмосфера, средства коммуникативного процесса. Если фольклорные тексты записывались в ходе общения с респондентом, существенными становились все замечания собеседника. Например, сообщив потешку:

«По кочкам, по кочкам,
По гладеньким дорожкам,
Вот заехали в ухаб
И не выехать никак!»

Л.Н. Берсенева (с. Н. Катарач Талицкого р-на) отметила, что, играя, садит ребенка себе на колени, «себе глазками», берет за ручки и тихонечко начинает их потряхивать...

Значимым для опытных пестуний является не только вербальный, но и невербальный контакт (мимика, жесты, телесный контакт, контакт глаз и т.д.). Невербальные контакты пестуны и дитя важны не только для развития навыков и общей компетентности в общении растущего человека, но и образуют фундамент взаимопонимания, доверия в их отношениях, дают возможность матери выразить свою любовь к ребенку, позволяют постоянно пополнять его «эмоциональный резервуар».

Комплексный анализ жанровой системы материнской поэзии позволяет сделать вывод, что многообразные способы невербального взаимодействия заключены в традиционной форме бытования этих жанров. Богатство возможностей для различных форм телесного контакта, например, дают не только потешки и пестушки, но и прибаутки, колыбельные, сказочки. Во время исполнения прибаутки «Кисонька-мурысонька» ребенка поглаживают по спинке (ручкам, ручке и т.п.), во время исполнения колыбельных мать в такт слегка похлопывает его рукой (поглаживает, кладет руку на лоб, берет за руку и т.д.).

Исследуемые жанры несут и в своем строении характеристики, которые позволяют осуществиться эмоциональному контакту матери и ребенка. Данные жанры в своей структуре оказываются так устроенными, что формируют этот контакт. Они возбуждают эмоцию ребенка, направляют ее на мать как эмоциональный центр общения и поддерживают эмоциональное состояние ребенка в процессе взаимодействия.

Поэзия пестования передавалась из поколения в поколение как целостная традиция общения матери и дитя, как систематизированный

народный педагогический и психологический опыт общения женщины с ребенком. Поэтому любая пестунья, независимо от ее личностных характеристик и способностей, владея этой традицией, могла непосредственно реализовывать заложенную в ней культурную программу развития коммуникации «мать и дитя», становления ребенка как субъекта межличностного общения.

© В.П. Федорова

Курган

ФОРМУЛЫ ЗАГОВОРОВ В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Взаимосвязь заговоров с другими жанрами фольклора привлекла внимание исследователей в начале XX века. Родство их со сказкой выявила Е.Н. Еленская. В статье «Некоторые замечания по поводу сложения сказок: Заговорная формула в сказке» (Этнографическое обозрение. 1912. № 1/2. С.189–199) отмечена связь сказочной фантастики с вербальной магией. На широком материале рассматриваются различные заговорные формулы, ставшие необходимыми структурными элементами сказок. Формулы заговоров, вошедшие в сказки, выделялись Е.Н. Еленской основой для изучения развития жанра заговоров.

Для исследования обоих жанров имеет большое значение вывод об устойчивости в них мотивов «выхода героя в путь», «встречи», «получения чудесного предмета». Устойчивость клише выделялась исследовательнице как элемент типового поэтического мышления, обусловленного спецификой мировоззрения.

Родство отдельных мотивов заговоров и духовных стихов выявил Н.Ф. Познанский (Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пгр. 1917). Взаимосвязи заговоров с широким спектром фольклорных жанров посвящена статья З.И. Власовой («К изучению поэтики устных заговоров» // Русский фольклор: Русская народная проза. Л., 1972. Т. 13. С.194–201). В учебнике В.П. Аникина по русскому фольклору поставлена проблема «одаривания» заговоров чудесами и красочностью других жанров (былин, сказок, загадок). Отмечено влияние лирики, песенных прибауток (Русский фольклор. М. 1987. С.115).

Вопрос о влиянии жанров, первичности или вторичности определенных формул в отдельных жанрах сложен. Обратимся к ряду клише, встречающихся в фольклоре и других формах народного творчества, этикета, быта. В качестве исследуемого материала избирается *благословение*.

Восприятие благословения как сакральной благодати, очевидно, восходит к Библии. Известный персонаж Ветхого Завета Валаам